

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 7 (43)

1. Расселение абазинских обществ южного склона. По картам: Л. Я. Люлье, Е. Д. Фелицына, к. Кавказского края 1847 г., Квартирной к. Абхазии 1843 г.

Саше. Между Сочи и Мацестой, по реке Бзугу.

Хамыш, по р. Хоста. На карте Кавказского края 1847 г., общество Хамыш показано как аул на побережье, в устье малой речки, между Агурой и Хостой. Эти два общества входили в состав Убыхия.

Цвиджа, Бага и Аредба, сверху вниз по реке Кудепсте. Согласно карте Кавказского края 1847 г., Цвиджа и Бага размещались над истоками Хосты, между Агурой и Мдзымтой. Аредба, согласно этой же карте, локализовано между Худапсе (Кудепстой) и Мдзымтой.

Багрипш, верхнее т. р. Псоу. Геча, нижнее т. Псоу.

Михельрипш, на восток от верхнего течения Псоу, над истоками Мехадры.

Цандрипш, между Псоу и Мехадры.

Хышха, по р. Хашупсе (Хошупсе), значительной реке, впадающей в море к югу от Мехадры. Указывается также аул Хоштыва на левом берегу Хошупсы.

Территория от Кудепсты (включительно) до устья Бзыби показана как территория джигетов. Гагра, таким образом, на территории джигетов. В Джигетию, согласно карте Е. Д. Фелицына, входили такие общества как Цвиджа, Бага, Аредба, Багрипш, Геча, Михельрипш, Цандрипш, Хотхо (правильно: Хышха). Согласно Люлье, в Садзен (Джигет) входило пространство от р. Хамыш (Хоста) до укрепления Гагры, от которого в направлении ГКХ прочерчена на незначительное расстояние пунктирная линия. Но далее джигетские земли тянутся до Бзыби. На Квартирной карте Абхазии 1843 г. по р. Жеудзех, перед р. Гагрипш, указано общество Цандрыпш, граничащее, таким образом, с Бзыбским округом Абхазии. Над Цандрыпшем указано общество Ашхоадза, которое имеет владения до ГКХ и граничит с северокавказскими абазинами-башильбаевцами.

Айбга, по верхнему течению Псоу. Ахчипсоу (на карте Л. Я. Люлье – Ахчипсу; оправданным выглядит выделение компонента -псоу, который, в свою очередь, должен быть связан с адыг. псы «вода / река»), по верхнему течению Мзымты, с разветвленной сетью притоков. Обращает на себя внимание взаимозависимость этнонима Ахчипсоу и гидронима Псоу. При этом, долина реки Псоу является близлежащей к территории Ахчипсоу, но не входит в состав владений общества Ахчипсоу. По территории Ахчипсоу почти равен Джигетии и тянется по горному сектору параллельно Джигетии. На карте Кавказского края 1847 г. надпись Джигеты помещена как некое общее название, на полдистанции между берегом и ГКХ. Но при этом, надпись Ахчипсоу по размеру ровно такая же, как и Джигеты. Два перевала, недалеко друг от друга между Ахчипсоу (верховьями Мзымты) и северокавказским абазинским-шкаравским обществом Шахгирей (Чегрей), расположенном по верхнему течению Малой Лабы, носят названия Псеахша и Аишха. Оба эти названия имеют вполне мотивированные адыгские значения: «Реки верховья» и «Плохая / неблагоприятная гора». Эти два перевала соединяли Ахчипсоу с черкесским княжеством Бесленей, в состав которого входили шкаравские подразделения. На карте Люлье и на карте Кавказского края 1847 г. в верхнем течении Мзымты, на ее правом берегу, указан а. Губгой-абгузу. Первая часть топонима по форме близка к адыгскому лексеме губгъ «поле». (Толковый словарь адыгейского языка. Сост. А.А.Хатанов, З.И. Керашева. Майкоп, 2006 С. 49). Вторая часть топонима совпадает с адыг. бгъуэ «узкий». (ТСАЯ. С. 25). Вместе получается «Узкая поляна». Это и есть знаменитая Кбада (Красная поляна). См. прилагаемое фото из путеводителя М. Ю. Кругляковой и С. М. Бургина, которое отлично показывает обоснованность предлагаемого перевода.

В лексеме ахчипсы отчетливо звучит адыгское -псы «вода, река». Аналогичным образом оформлено и название Чвижпсе, еще одного подразделения медовеевцев, которое дублирует одноименный гидроним.

Высокогорный правый приток Мзымты носит название Пслух, от впадения которого и до впадения следующего крупного правого притока Ачипсе, дистанция реки Мзымты протекает мимо отрогов хребта Псеахако. Ниже по течению от впадения Ачипсе находится поляна, на которой размещался аул Анчу (ныне здесь находится поселение Эстосадок). Еще немногим ниже по правой стороне лежит самая удобная для

Садзы — джигеты. Происхождение и историко-культурный портрет абазинского субэтноса.

поселения высокогорная поляна, которая, по всей вероятности, имела то же самое имя, что и расположенный на ней аул – Губгой-абгузу (совр. Красная Поляна). Далее, вниз по течению, с правой стороны впадает крупный приток Чвижпсе, на котором в нескольких километрах от устья находится Медовеевская поляна (у Орехова – Медовой-Пех, теперь здесь поселок Медовеевка). От устья Чвижпсе вниз по Мзымте, примерно в 3-х км, также с правой стороны впадает р. Кепша, при устье которой находилась удобная Убыхская поляна (у Орехова Убых-Пех на р. Кеш, ныне здесь поселок Кепша). Как видим, главная река Ахчипсоу, по всему своему верхнему течению имела притоки, названия которых оформлены с адыгским компонентом -псы. Адыгское звучание имел и главный аул Ахчипсоу – Губгой-абгузу.

Самое восточное из абазинских обществ южного склона – Псху (на Квартирной карте Абхазии 1843 г. – Псхо; возможно адыгское происхождение этнонима – от псыху «река», ТСАЯ, с. 344), расположенное по верхнему течению Бзыби, которое весьма протяженно и имеет разветвленную сеть притоков. Псху было самым крупным по занимаемой территории абазинским обществом. Территория Псху как бы нависает над княжеской Абхазией. Крайний восточный район Псху расположен над Сухумом. Псху граничит с Джигетией, Айбгой, Ахчипсоу и северокавказскими обществами Шахгирей, Там и Башильбай. Поскольку эти три общества (и еще четвертое общество Кизильбек, зажатое между Шахгиреем и Там, и не доходившее до линии водораздела по Главному Кавказскому хребту) входили в состав княжества Бесленей, то Псху, соответственно напрямую граничило с Черкесией. У Люлье общество Казильбек продублировано еще и как Казбек-Коадж. Гора Псыш, на северном склоне, откуда берет начало Большой Зеленчук, находится напротив этой восточной оконечности Псху.

Три горных абазинских общества – Ахчипсоу, Айбга и Псху – имеют общее наименование медовеевцы (наиболее распространенная русская транскрипция, у Люлье – медо-

зюи). См.: Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа. 1774-1864 гг. Составлена Е. Д. Фелицыным. Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис. Национальный музей Республики Адыгея. Карта Закубанских горских народов к статье Л. Люлье 1857 года // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. Отд. III. Приложения.

В описании С. Смоленского расселение причерноморских абазин выглядит следующим образом: «От места, где оканчивается Гагринский проход, по берегу моря, до устья р. Хашупсе, находилось общество Цандрипш, занимавшее все удобные ущелья внутри, почти до Ахчипсху и Айбга. Оно составляло владения князей Цан или Цамбаев (в Абхазии отрасли этой фамилии назывались Званбаями). В верховьях р. Хашупсе лежало небольшое общество Хышха — владение князей Анчибадзе (вероятно, также отрасли имеретинской фамилии князей Анчибадзе). Кечьба, владение князей Кечь, было между реками Мдзымта и Хашупсе. Аредба, владение князей Аред или Аредбаевых, находилось между реками Мдзымта и Хошта. Цвидза и Баги, небольшие общества, расположенные по долинам двух последних рек в горах к Ахчипсху, составились из пришельцев разных мест, людей свободного состояния. По своей малочисленности, эти общества не пользовались самостоятельностью и были почти всегда в зависимости от убыхов». (Смоленский С. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псехе 19 июля 1862 года. (Из походного дневника) // Военный сборник. Т. 105. 1875. № 10. С. 422).

Население Цебелды также обозначалось как абазинское. (Смоленский С. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Дал. (Из походного дневника) // Военный сборник. 1875. № 11. С. 261; № 12. С. 507, 512, 514, 516-518).

2. Джигетия в грузинских источниках. Процитируем описание Джикети, сделанное Вахушти Багратиони (1696-1757), в переводе М. Г. Джанашивили: «О Джикети. Страну за Абхазией, к западу от Каппетис-цкали от времени воцарения Багратионов доныне называют Джикети, но

«Жизнь Горгасала» Джикетией называет страну к северу от этой (современной) Джикетии, потустороннюю часть горы Кавказа до моря. А современную Джикетию граничат: с востока Каппетис-цкали, с запада – Черное море, с юга – то же самое море, с севера – Кавказ. И страна эта всецело подобна Абхазии плодородием и фауной, установлениями и обычаями; но люди в большинстве звероподобны. Первоначально они были христианами, но ныне не знают более своей прежней веры. Но одежду, вооружение и доспехи абхазцев и джиков разумею такими, как у черкесов, нравам которых по временам подражают и имеретинцы». (Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашивили // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 235).

Часть этой же цитаты в переводе Г. А. Амичба: «Сия страна по всему абхазская: растениями и животными, обычаями [народа] и поведением. Однако люди здесь больше звероподобны. Раньше являлись христианами, ныне [вера] не известна им. Знаемо, что одежда, вооружение и снаряжение абхазов и джиков те же, что у черкесов, которые иногда по привычке носят и имеретинцы». (Вахушти Багратиони. История царства Грузинского // Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Пер. и комм. Г. А. Амичба. Сухуми: «Алашара», 1986. С. 78-79).

По Вахушти, Джикети является страной «по всему абхазской», но в это «все» не включен язык. Отмечаются сходные природные условия – растения и животные – что можно считать в целом ландшафтно-климатическим сходством. Отмечается сходство обычаев и поведения. Но дальше Вахушти отмечает, что одежда, вооружение и снаряжение и абхазов, и джиков такие же, как у черкесов. Получается, что не только джико, но и абхазы относятся к сфере воздействия черкесской культуры. Вектор, исходящий из страны адыгов, доходит до Имеретии, знать которой уже «по привычке» носит черкесскую одежду. «По привычке» означает в данном контексте, что традиция следования черкесским стандартам во всаднической и воинской «моде» сложилась в Имеретии достаточно давно. До Вахушти влияние черкесской моды на абхазов подчеркивал Джованни де Лукка в 1625 г.: в разделе, посвященном описанию абхазов, миссионер отмечает, что они «одеваются подобно черкесам, но волосы стригут иначе, чем те». (Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люкка, монаха доминиканс-

кого ордена). (См.: Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа. 1774-1864 гг. Составлена Е. Д. Фелицыным. Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис. Национальный музей Республики Адыгея. Карта Закубанских горских народов к статье Л. Люлье 1857 года // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. Отд. III. Приложения).

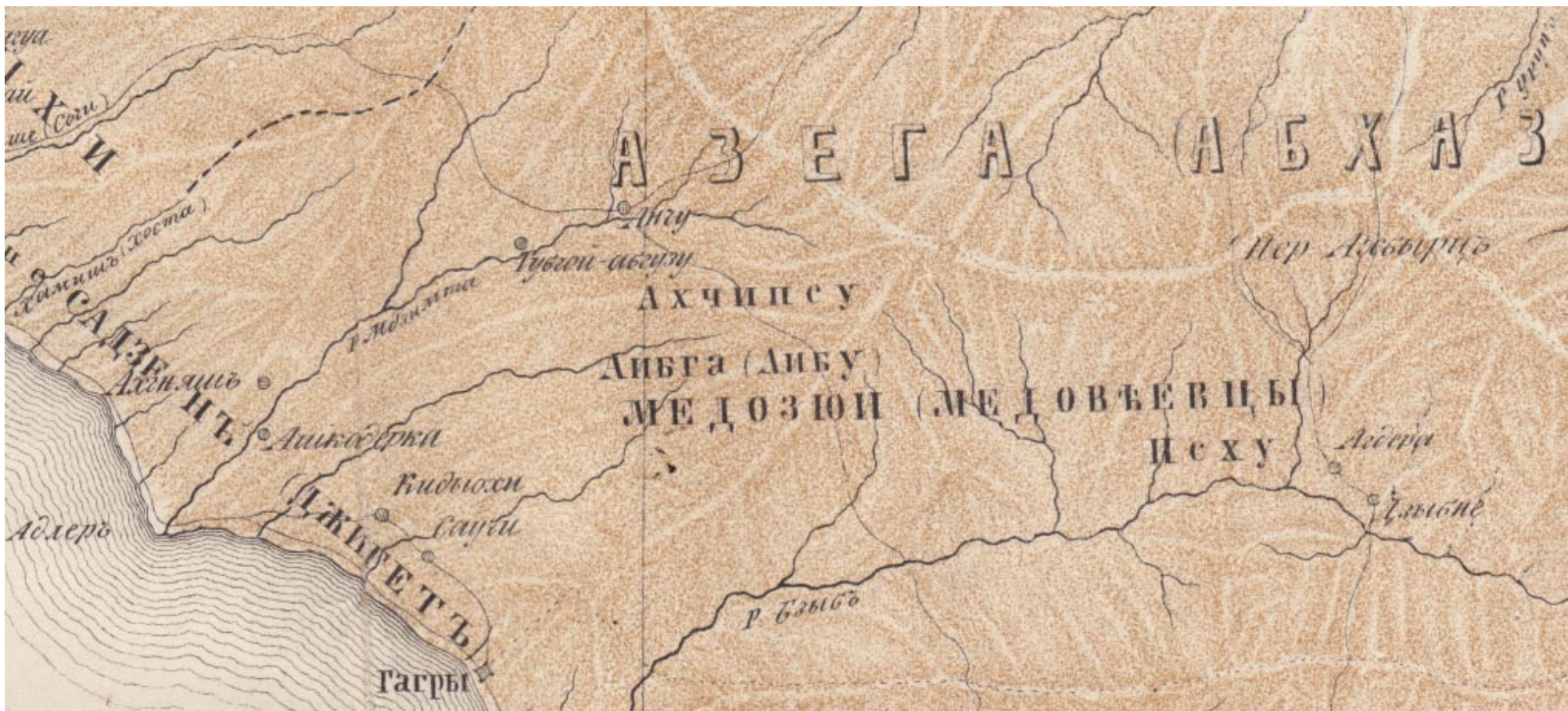
В описании С. Смоленского расселение причерноморских абазин выглядит следующим образом: «От места, где оканчивается Гагринский проход, по берегу моря, до устья р. Хашупсе, находилось общество Цандрипш, занимавшее все удобные ущелья внутри, почти до Ахчипсху и Айбга. Оно составляло владения князей Цан или Цамбаев (в Абхазии отрасли этой фамилии назывались Званбаями). В верховьях р. Хашупсе лежало небольшое общество Хышха — владение князей Анчибадзе (вероятно, также отрасли имеретинской фамилии князей Анчибадзе). Кечьба, владение князей Кечь, было между реками Мдзымта и Хашупсе. Аредба, владение князей Аред или Аредбаевых, находилось между реками Мдзымта и Хошта. Цвидза и Баги, небольшие общества, расположенные по долинам двух последних рек в горах к Ахчипсху, составились из пришельцев разных мест, людей свободного состояния. По своей малочисленности, эти общества не пользовались самостоятельностью и были почти всегда в зависимости от убыхов». (Смоленский С. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псехе 19 июля 1862 года. (Из походного дневника) // Военный сборник. Т. 105. 1875. № 10. С. 422).

Население Цебелды также обозначалось как абазинское. (Смоленский С. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Дал. (Из походного дневника) // Военный сборник. 1875. № 11. С. 261; № 12. С. 507, 512, 514, 516-518).

2. Джигетия в грузинских источниках. Процитируем описание Джикети, сделанное Вахушти Багратиони (1696-1757), в переводе М. Г. Джанашивили: «О Джикети. Страну за Абхазией, к западу от Каппетис-цкали от времени воцарения Багратионов доныне называют Джикети, но

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

Люлье Л. Я. Карта Закубанских горских народов. 1857 г. Фрагмент. Губгой-абгузу, центральное село Ахчипсоу (совр. Красная Поляна).

кого ордена (1625) // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. [Далее - АБКИЕА] С. 69).

В тексте Вахушти весьма важным является представление о двух Джикиях – большой и более древней стране с таким названием на северном склоне Кавказа в раннем средневековье (во времена Вахтанга Горгасала) и маленькой одноименной области, которая известна под таким именем со времен Багратионов, то есть с XI века. Представление о большой Джикии отражало факт существования страны адыгов или Зихии, наиболее крупного этнополитического образования Северо-Западного Кавказа. Представление о второй, относительно небольшой области с таким же наименованием отражало то обстоятельство, что ее население в этническом отношении было если и не идентично населению первой Джикии, то близко ему. Кроме того, такое устойчивое обозначение сочиндлерского района как Джикии могло быть следствием военно-политического контроля Грузии над южной частью Зихии-Джикии. При любом толковании вполне очевидным обстоятельством является существование представления о том, что сразу за абхазами начинаются земли джиков.

Джикети упоминается в «Истории и повествовании о Багратионах» Сумбата Давитис-дзе в связи с описанием владений Баграта III, «царя абхазов, великого куропалата, и овладел он Тао, вотчиной своей [доставшейся ему после смерти его отца Гургена в 1008 г. – Прим. С. Х.], и покорил весь Кавказ самодержавно от Джикети до Гургена [Каспийского моря. – Прим. С. Х.]». (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. С. 46).

В 1191 г. в составе войска

Вардана Дадияни, министра двора, который описывается как «безраздельный владыка [земли] до Никопсии», фигурируют не только абхазы, но и саниги и кашаги. Дадияни собирался восстановить на престоле Георгия Боголюбского, первого супруга царицы Тамары. В «Истории и восхвалении венценосцев» об этом сообщается таким образом: «Собрал [он] всю Сванетию, Абхазию, Саэгро, Гурию, Самокалако, Рачу, Таквери и Аргвети, и, присоединив силы санигов и кашагов, заставил вельмож и воинство страны присягнуть на возведение русско-го [князя] на престол и за признание его царем». (Там же. С. 51).

По очередности упоминания видно, что саниги и кашаги не являются подданными Дадияни, но могут быть вовлечены, по всей видимости, как наемники, в его политический проект. Саниги должны быть сопоставлены с садзами, а кашаги с касогами-адыгами. Интересно, что в одном кратком упоминании использованы этнонимы, присущие существенно различным традициям. Саниги – античный термин. Кашаги – средневековый арабо-хазарский термин. Но весьма характерно то, что грузинский летописец маркирует этими терминами северных соседей царства. В XII веке этноним кашаг (кашак, касак, касог) является основным термином для обозначения адыгов в восточных источниках. Таким образом, источник отделяет садзов от адыгов и, скорее всего, осознанно не пользуется термином джик. При использовании термина джик, садзы и адыги оказались бы неотличимы друг от друга. Таким образом, данное сообщение подтверждает существование грузинского представления о двух джикских народах – садзах и адыгах. Для первых подыскивается античный аналог в виде санигов, а для вторых – современный восточный аналог в виде кашагов.

Джикети упомянуты в составе грузинской армии в Болнисском сражении против войск Хорезм-

шаха в 1228 г. (Там же. С. 57).

В 1533 г. «Дадияни Мамаи и Гуриели Мамаи отправились в поход по морю на кораблях в Джикети; сражение произошло января месяца тридцатого. [Что за необходимость в организации десанта в зимнее время? Видимо, накал борьбы был таким, что заставил владельцев Западной Грузии действовать, несмотря на риск не доплыть до Джикети. – Прим. С. Х.]. В первый день эти одержали победу; на второй день, в пятницу, прогневался бог на одишцев, была измена и отступили, оставив Дадияни, Гуриели и войско Гуриели; джикети напали на них и сразились: Дадияни, Гуриели, и войско Гуриели истребили многих. Были убиты сын Гуриели Георгий и его дворяне. Изнуренных сражением предал проклятый Цандиа Иналдипа; раздели Дадияни, догола раздетыми изрезали Гуриели и трех его братьев, епископов, а войско его взяли в плен. Туда направился католикос Малакия и вызволил живых, а мертвых выкупили за деньги». (Там же. С. 62).

Стремление покорить джиков объяснимо тем, что они оказывали содействие абхамам, которое не позволяло Мегрелии установить прочный контроль над Абхазией. Более того, джикети участвовали в междоусобной борьбе в Мегрелии, поддерживая выгодного для себя преемника и выступая противниками правителей Гурии, которые пытались поставить под свой контроль Мегрелию.

Таким образом, джикский мобилизационный ресурс использовался Шервашидзе против Дадияни, а последними – против Гуриели и имеретинских царей. Джикети участвовали в грузинских войнах и стычках, получая, по всей видимости, значительную добычу, а их собственная территория счастливо избегала ужасов военных погромов. Изменить этот ход вещей, как видим, однажды вознамерились Гуриели, но жестоко поплатились за свою инициативу.

Около 1545 г. Леван I Дадияни «собрал свое войско и аб-

хазов» с тем, чтобы выступить в поддержку владельцу Гурии против османов. Видно, что абхазы не являются непосредственными подданными мегрельского владельца, но он и не платит им, а «собирает» («призывает»). Джикети не упомянуты ни как союзники, ни как наемники. Вероятно, что появление османов в Грузии было выгодно для джиков.

Леван I лелеял мечту отомстить джикам за смерть своего отца. Сделать это самостоятельно он был не в состоянии и потому обратился за помощью к султану. 1 марта 1557 г. венгерский посол в Стамбуле сообщил: «Уже имеются подробные сведения о приезде мегрельского князя. Прибыл морем, на другой день после отправления нашего отчета от 16 февраля. Мегрельский владелец приехал как посол своей страны, и он это сделал с целью отомстить своим соседям черкесам, которые убили его отца... Он уверен, что без морского флота ничего не сможет сделать против такого врага. Он привез в дар султану изумительный кубок с драгоценными камнями, чтобы просить у него галеры. В случае выполнения своей просьбы, владелец обязался платить дань, от которой он был свободен... Здесь считают, что после выхода турецкого флота в море мегрельский владелец не сразу получит выпрошенные им галеры. Дело в том, что флот нужен султану для своих более важных дел. Возможно, султан даст мегрельскому владельцу небольшие галеры, которые очень полезны в военно-морских операциях». Т. Н. Берадзе, введший в оборот этот интересный источник, отмечает, что султан выделил в поддержку Левану девять судов. Но сведения об их успешном применении не приводятся. (Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси, 1989. С. 208-209. (На груз. яз.). Перевод этого источника любезно предоставлен Роином Агрба).

В 70-е годы XVI века Георгий Дадияни «нанял войска аб-

хазов, джиков и черкесов» против своего младшего брата Мамаи, который, пользуясь поддержкой своего зятя Георгия Гуриели, захватил княжеский трон. (Сообщения... С. 61). «Саниги и кашаги» представлены в системе словоупотребления XVI века как «джикети и черкесы». Характерно, что приходится называть и абхазское войско.

Возможность нанимать войско в Абхазии и Джикети делала мегрельских князей опасными противниками для царей Имеретии. Так, в 1623 г. в Гочораульском сражении Леван Дадияни с одишско-абхазско-джикским войском нанес поражение царю Георгию III. (Там же. С. 81). При этом нет речи о том, что Дадияни господствует над абхазами и джиками. Источник подчеркивает, что Леван Дадияни, «достигая успеха в делах, дружил с абхазами, джиками и сванами, чтоб оказывали ему помощь». (Там же).

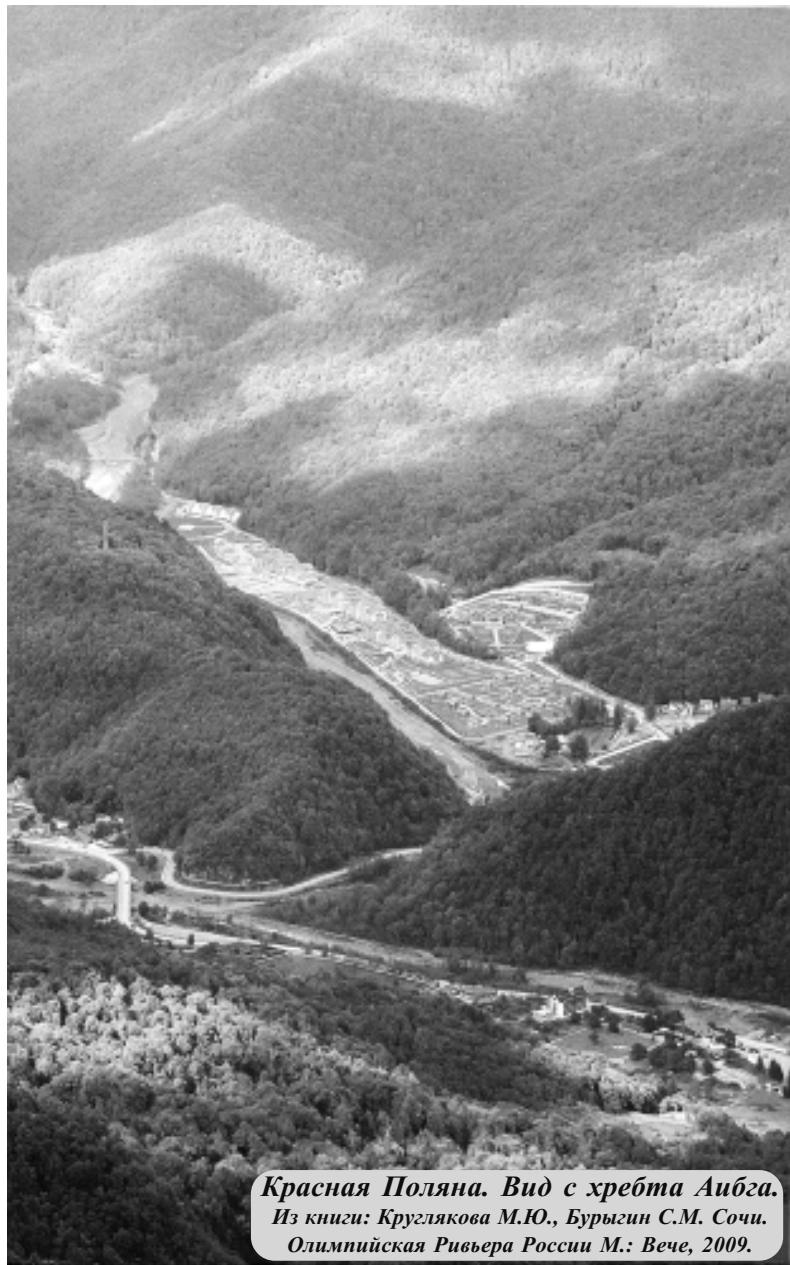
Словосочетание черкесские тавады, обозначавшее в документах XIX в. князей Джигетии, подчеркивает перекрещивание на ее территории двух векторов – черкесского и грузинского. (Рапорт ген.-м. Вакульского Г. В. Розену, от 28 июля 1833 // Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953. С. 37-39).

3. Джигетия как часть Зихии (Черкесии).

Константин Порфиригенет, император и ученый-энциклопедист, автор трактата «Об управлении империей», дал следующее географическое и этнополитическое описание региона Зихии и Абхазии: «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

Красная Поляна. Вид с хребта Аибга.
Из книги: Круглякова М.Ю., Бурыгин С.М. Сочи.
Олимпийская Ривьера России М.: Вече, 2009.

Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, – это Турганирх, Царваганин и другой островок. В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях – другой, на котором во время набегов аланов зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Аваджию – вплоть до крепости Сотириуполь. Она простирается на 300 миль». (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: «Наука», 1991. С. 175-177).

Под рекой Укрух следует понимать Кубань, но в других источниках такое ее наименование не встречается. Это явно не греческое название, и не адыгское. Вполне вероятно, что перед нами название, данное одним из кочевых этносов – хазарами, мадьярами или печенегами. Постоянное тюркское население Кубани в эту эпоху (начиная с VI века) составляли булгары. Вполне вероятно, что гидроним Укрух – булгарского происхождения. Название островов – Турганирх и Царваганин – также, скорее всего, булгарские. Расположение этих островов следует искать в Восточном Приазовье, где разветвленная сеть лиманов образует участки суши, полностью

отделенные от материка. Смешанное зихско-булгарское население Нижней Кубани и Восточного Приазовья действительно могло укрываться на подобных труднодоступных территориях от набегов – не только алан, но и новых волн тюрков.

У подобного толкования этого сообщения находится историческое подтверждение из этой же эпохи. Грузинский автор конца XI в. Джуаншер писал: «В последующее время печенеги и джиги во множестве бежали от тюрков и ушли печенеги на запад». (Цит. по: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: «Наука», 1988. С. 149).

Получается, что наступление новой волны тюркских кочевников застало два таких разных этноса как печенеги и зихи в одном районе, из которого они вынуждены бежать. Таким районом может быть только побережье Кубани и Восточное Приазовье. Отсюда печенеги бегут на запад вплоть до Венгрии, а зихи смещаются в Закубанье. Впоследствии этот сценарий повторяется при появлении монголов, от которых бегут половцы и зихи. Половцы на запад – вплоть до Венгрии, а зихи вновь смещаются в Закубанье. Поэтому во время написания трактата «Об управлении империей» в роли новой волны выступали печенеги, а в роли беглецов – булгары и зихи. Маршрут бегства или временного отступления – острова Восточного Приазовья, Закубанье и, вряд ли, западное направление, поскольку булгары были уже оседлым земледельческим этносом, не помышлявшим о стремительном бегстве на запад. Уверенно можно пред-

положить двуязычие булгар и их весьма значительную включенность в адыгское этнополитическое пространство.

Ю. Н. Воронов предложил прямолинейное толкование текста данной главы. Если исходить из того, что 1 миль равна 1481,5 м, то протяженность Зихии, находящейся, по Константину, между реками Укрух и Никопсис, составляет 445 км, а Аваджи – тоже 445 км, т. е. общая их протяженность оказывается чуть большей, чем расстояние от Анапы до Трапезунда (около 800 км). Таким образом, отмечает Воронов, Никопсия должна находиться между современной Гагрой и Адлером, а Сотириуполь – не в секторе Сухуми-Пизунда (как считали Ю. Кулаковский, З. Анчабадзе и др.), а в районе Трапезунда. Тем самым границы Аваджи в X в., по Константину, простирались вплоть до Трапезунда. Никопсия предположительно идентифицируется с городом Нафсай, известным по «Житию Або Тбилели», локализуемым в районе современного Гантиади (Цандрипш). (Воронов Ю. И. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 72-73).

Из такой трактовки следует незнание и невнимание автора – византийского императора-географа – к вопросу о византийской границе на Южном Кавказе. Считать Трапезунд частью Абхазского царства Константин не мог. Остается предположить, что он не имел точного представления о протяженности зихского участка черноморского побережья. Он мог считать его весьма протяженным – 300 миль – и равно таким же, каким был более хорошо известный для его информаторов абхазский (абхазо-грузинский) участок побережья. С протяженностью абхазского участка вполне можно согласиться, имея в виду, что таковой начинался где-то неопределенно в Большом Сочи (предположим, на реке Шахе) и заканчивался в районе современного Батума. По какой-то неясной для нас причине Константин посчитал, что от устья Кубани до границы Аваджи расстояние составляет 300 миль. Эта уверенность могла происходить от бытовавшего представления о равнозначности зихского и авасгийского побережий. В свою очередь такое представление могло быть привычным при наслоении представлений о границах – этнических и политических – из различных периодов раннего средневековья. Если мы включаем в Зихию сочи-адлерский регион – Джикую грузинских источников – то получаем дистанцию побережья в 441 км, от черноморского устья Кубани (на современных картах Старая Кубань, впадающая в Кизилташский лиман несколькими рукавами) до устья Бзыби. 441 км является минимальным показателем, поскольку современная автомобильная дорога сокращает дистанцию пути, который ранее, в основном, пролегал по кромке берега. Поэтому мы смело можем округлить 441 км до исковых 445 км, которые, в свою очередь, равны 300 милям. Таким образом, сообщение Константина о том, что побережье Зихии имеет протяженность в 300 миль можно считать весьма точным. Такое представле-

ние могло быть живучим и не вполне архаичным во время Константина: Джикия была частью Абхазского царства, но этнографически могла восприниматься как область, тяготеющая к одноименной Зихии. И данное представление вполне могло сосуществовать с представлением о реальных политических пределах Абхазского царства, которое на западе могло достигать Сочи, а на востоке – Хупати на побережье Кларджети, на границе с Византией (совр. Хопа на территории Турции, в 38 км от Батума). Дистанция от Сочи до Хопы по железной дороге составляет 448 км, что вполне соответствует 300 милям Константина. Восточная (юго-восточная) граница Абхазского царства во время Константина вряд ли доходила до Хопы, но и западная (северо-западная) граница также могла быть существенно выше Сочи. При таком подходе мы приближаемся к пониманию текста Константина, как отражения сложных и несинхронных представлений о черноморском побережье Кавказа.

Первое развернутое описание культуры и быта средневековой Черкесии принадлежит перу архиепископа Султанни Иоанна де Галонифонтибуса, создавшего свое историко-географическое сочинение к 1404 г. На рубеже XIV и XV вв. Черкесия расширила свои пределы на север до устья Дона и Галонифонтибус отмечает, что «город и порт Тана находится в этой же стране в Верхней Черкесии, на реке Дон, которая отделяет Европу от Азии». (Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Баку: «Элм», 1980. С. 14). З. М. Бунятов в комментариях к этому первому русскому изданию отмечает, что в этом предложении в оригинале (рукописи) говорится о Зихии (Sicia) – Sychia у Юлиана и Ziquia у Рубрика. (Там же. С. 33). Глава IX сочинения посвящена Черкесии. В первом же предложении сам Галонифонтибус подчеркивает, что у этой страны два названия: Зикия и Черкесия (в рукописи Ziquia sive Tarquasia): «Страна называемая Зикией или Черкесией расположена у подножья гор, на побережье Черного моря». (Там же. С. 16, 35).

Знавший несколько восточных языков архиепископ закономерно затруднялся с транслитерацией термина черкес/Черкесия, а устойчивой европейской традиции написания этого названия (в отличие от Зихии) еще не существовало. В итоге, в формах Tarquasia (Черкесия) и Tarcazi (черкесы) легко угадывается воздействие арабской формы Джарказ (ее же мы видим в ряде нотариальных актов). Оправданность такой логики поддерживается существованием еще одной формы термина черкес – тзаркас, которая содержится у Ланика Халькокондила, византийского историка XV века, также пользовавшегося арабскими и турецкими источниками. (Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 392).

Восточные пределы Черкесии на северном склоне ГКХ Галонифонтибус определяет как Каспийские горы, что, скорее всего, указывает на Дагестан. С се-

вера Черкесия граничила с Тарарией, на юге – с Абхазией (в рукописи: Arcasia). Подразделение на белых и черных черкесов у Галонифонтибуса является отражением принятого у итальянцев в XIV в. подразделения зихов на белых и черных. Так, каталонская карта Абрахама Креска 1375 года указывает на побережье Зихии два пункта или района: Alba Ziquia и Mauro Ziquia. (Галонифонтибус И. де. Сведения... С. 16, 36).

Варианты написания Зихии в различных морских картах: Zaquia, Zega, Zechia, Zaquea, Zaguia, Zicchia, Zichia, Cichia, Zychua, Maurazica, Albazequia и т. д. (Фоменко И. К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII-XVII вв. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова: Вып. 5. М., СПб.: Алетей, 2001. С. 73).

Различие черных и белых зихов-черкесов было территориально-ландшафтным (черные зихи – горцы, а белые – жители равнин) и, по всей видимости, социальным, т.к. институт княжеской власти, скорее всего, угасал по мере продвижения в горы.

Сведения Галонифонтибуса ровно через столетие получают подтверждение в развернутом описании Черкесии, созданном генуэзцем Джорджо Интериано и опубликованном впервые в Венеции в 1502 г. Зихи – называемые так на языках: просто-народном [volgare – итальянском, прим. С. Х.], греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига». Они живут [на пространстве] от реки Таны до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, ныне называемому Восперо, проливом Святого Иоанна и проливом Забакского моря, иначе – моря Таны, в древности [называвшегося] Метотийским болотом, и далее за проливом по берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничит с Абхазией, то есть частью Колхиды. А все их побережье, включая сюда вышеназванное болото и [пространство] вне его – составляет около пятисот миль». (Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБ-КИЕА. С. 46-47).

500 миль умножаем на 1481,5 метра (длина одной мили) и получаем 740.750 метров. Прочертив по карте морской маршрут каботажного плавания от устья Дона до мыса Каменный на северной оконечности Таманского полуострова (вдоль побережья от мыса к мысу) и затем вокруг Таманского полуострова до восточной оконечности Витязевского лимана и от этой точки до устья Бзыби мы получили 763 км. Это на каких-то 22 км превышает искомый показатель в 500 миль (740 км 750 метров). Плавание по Азовскому морю не вдоль берега, но по прямой линии на значительном от берега удалении, что практиковалось в исключительных случаях, напротив сокращает путь на 56 км и делает его короче искомых 500 миль на 32 км. В целом, подобные примерные подсчеты подтверждают правильность сведений Интериано. Его указание на мыс Бусси можно в таком случае истолковать как не столь уж сильное искажение автохтонной

САДЗЫ – ДЖИГЕТЫ

основы бзи («вода», «река» в убыхском и садзском). Бзыбь, как мы знаем, именно так и объясняется: бзи + пэ «устье». (Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Исследование и тексты. Тбилиси, 1964. С. 255). Указание еще и на реку Фазис можно считать недоразумением.

Джиованни да Лукка, миссионер-доминиканец, в 1625 г. дает достаточно детальное описание границы Черкесии на побережье: «От гор, которые ими называются Варадскими, до Кудесчио, первой из деревень, лежащей в стране черкесов вдоль приморского берега, [считают] 300 миль. Впрочем, все это пространство, хотя очень плодородное, не населено. От Кудесчио до Абхазии считается 140 миль. Народ, живущий на этих горах, называет себя христианами, подобно жителям лесов, растущих на равнинах. Они повинуются особенным князьям». (АБКН. С. 70).

Затем Лукка детально описывает очередность расположения княжеств равнинной Черкесии от Темрюка до Кабарды с указанием расстояния от одного княжеского селения до другого. После чего добавляет: «Князья – братья Кази-бей и Санкас-бей управляют всеми селениями, лежащими вдоль моря». (Цит. по: Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. Издание подготовил М. В. Аталиков. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 47).

Таким образом, мы можем заключить, что дистанцией побережья в 300 миль от Варадских гор до Кудесчио управляли именно эти два князя – представители одного княжеского дома. Мы вправе предположить, что этот княжеский дом являлся династией Жане, делившейся в XVII веке на Большой и Малый Жане. Большой Жане имел обширный выход к Черному морю и, согласно Челеби, начинался сразу к западу (северо-западу) от Туапсе (от Кодоша). «Особенные князья», которые управляли дистанцией побережья в 140 миль между Черкесией и Абхазией, по всей видимости, были адыгскими, убыхскими и садзскими владетелями. Как раз эти бей и это пространство описано у Челеби: смешанные в этническом отношении абазские общности от Туапсе до Адлера состояли из абазов-адыгов, абазов-убыхов и абазов-садзов, и действительно управлялись «особенными», в смысле их политической дистанционности от крупных княжеских домов Черкесии и Абхазии, князьями. По железной дороге от Туапсе до Бзыби дистанция составляет 201 км. 201.000 метров делим на 1481,5 метра (длина одной мили) и получаем 135,7 мили. Этот показатель почти точно приближает нас к искомому 140 милям и является подтверждением неслучайности тех данных, которые привел Лукка.

В приморской части южная этническая и политическая граница Абхазии до конца 70-х гг. XVII в. проходила по нижнему течению р. Кодор. А. Ламберти, живший в Мегрелии с 1633 по 1650 г., отмечал: «Границей со стороны абхазов, или абасков является река, называемая местными жителями Кодор (Coddors)». У него же: «Совершенно так, как Фазис отделяет Мегрелию от Грузии, так и Ко-

дор отделяет ее от Абхазии, и подобно тому, как за Фазисом мегрельский язык сменяется сразу грузинским, так и за Кодором сменяется абхазским... Сейчас же после переправы через Кодор обитают абхазы со своим языком». (Цит. по: Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1959. С. 296).

В горной части этническая и политическая граница Абхазии достигала Ингура: граница проходила по линии Великой стены (длиной в «шестьдесят тысяч шагов»), назначение которой сводилось, как отмечал Ламберти, к защите Мегрелии «от вторжений абхазов». («Murus sexaginta coerendus Abasorum incursus»). По карте Ламберти стена проходит вблизи Бедиа, то есть, примерно, в 15-17 км от моря.

Северная граница княжества на побережье заканчивалась на Бзыби. Но в горах в среднем и верхнем течении Бзыби эта граница могла передвигаться к западу (северо-западу) и включать отдельные горские абхазские и абазинские общества. Распространение термина «абаза» на садзов, убыхов и адыгские общества приводило к значительной путанице в представлениях о северных пределах Абхазии. Так, Джиованни да Лукка, в описании Черкесии подчеркивает, что Абхазия отделена от Черкесии, заканчивающейся на Кодоше (Туапсе), пространством в 140 миль, которое управляется «особенными князьями». Это указание Лукка является отражением того обстоятельства, что Абхазское княжество начиналось за Бзыбью.

Но у Лукка в описании Абхазии содержится существенно иное представление о северной границе Абхазии: «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов. На запад от них лежит Черное море, на восток – Мингрелия. Абхазия... простирается на 150 миль». (Там же. С. 297).

От такого надежно очерченного самим же Лукка ориентира как Кодор отсчитываем на запад 150 миль (по 1481,5 метра в 1 миле) и выходим на северную границу – реку Шахе (Субаши). В последующий период Шахе во многих источниках указана как граница между шапсугами и убыхами. Река достаточно крупная, что бы служить границей.

Предположение о том, что Шахе было северным пределом Абхазии в представлениях Лукка подтверждается еще и тем, что он и еще его современник и коллега де Асколи указывают, что в Абхазии две главных реки – Sutesu (вероятно, Сочи) и Subasu (очевидно, Субаши-Шахе). Непонятно, почему позабыли о Бзыби и Кодоре – может быть по той причине, что это были реки княжества, а в представлениях авторов, без уточнения этого на бумаге, существовала вторая Абхазия или Абазия к северу от Бзыби. Более того, де Асколи сообщает, что главным портом Абхазии является Abassa, который помещен им в устье Шахе. (Там же. С. 283).

Вывод: Лукка и Асколи отразили в своих указаниях о границах две системы словоупотребления: грузинскую, которая четко отделяет абхазов от джиков, и, тем более, западных соседей джиков; и османскую,

которая воспроизводила старую византийскую традицию времен существования «царства Абазгов», когда северная граница царства могла достигать не только Шахе, но и Туапсе.

Таким образом, итальянцы в своих представлениях об этносах и границах политических образований, в целом, не противоречат сведениям Челеби.

Для Феррана, французского медика на службе у крымского хана, в 1709 г. территория Черкесии представлялась следующим образом: «Земля Черкесская граничит с севера с ногайцами, с юга – с Черным морем, с востока – с Грузией, а с запада – с Киммерийским Босфором и заливом, отделяющим ее от Крыма». (АБКН. С. 110).

Кемпфер в 1723 г. отмечает, что протяженность абхазского участка побережья равняется 100 французским милям: «С черкесами граничат абхазы на расстоянии 100 французских миль до Мингрелии». (АБКН. С. 118). Учитывая, что с начала 80-х гг. XVII в. абхазо-мегрельская граница проходила по Ингуру, то под указанными 100 милями следует понимать дистанцию от устья Ингура до устья Бзыби.

Якоб Рейнегтс в 1783 г. отмечал, что Черкесия начиналась сразу за Пицундой: «Вся территория от Погрипа до Безонты называется до сих пор «Землей Черкесов» (Черкес Топраги)». (Рейнегтс Я. Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа // Северный Кавказ в европейской литературе... С. 249).

4. Этническое и географическое пространство садзской идентичности.

Изучение этногенеза садзов или причерноморских абазин является ключевой проблемой в рамках более общей задачи изучения этногенеза абазин.

Признанный специалист в области этнической истории абхазов Ш. Д. Инал-ипа посвятил садзам отдельное монографическое исследование, в котором отстаивает ту точку зрения, согласно которой садзы являлись этнографической группой абхазской феодальной народности: «Абхазская этническая принадлежность садзов подтверждается рядом имеющихся в нашем распоряжении материалов. Так, садз из Турции Сейди Ахмед-паша, вывезенный мальчиком из Садзена в начале XVII века, говорил, что своеобразие выговора садзов показывает их происхождение от абхазов и что он сам на всю жизнь сохранил «абхазский выговор». (Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995. С. 50).

Следует заметить, что османский автор Эвлия Челеби, у которого содержатся приводимые Инал-ипа сведения, не мог пользоваться термином абхаз, но пользовался исключительно термином абаз. Данные две формы не тождественны. Дело в том, что если Челеби говорит о населении Абхазского княжества как об абазгах, то в этом конкретном случае термины полностью совпадают и абазга=абхаз. К северу от устья Бзыби абазга совершенно точно означает такие подразделения как арт, садз и живущие над ними в горах абазские группы. Далее, примерно от реки Сочи термин абазга означает убыхское население. А к северу-западу от Туапсе – совершенно очевидно маркирует

адыгское население. По этой причине прямолинейный перевод челебиевского абазга именно только как абхаз'а не адекватен содержанию источника и, в целом, османской системы словоупотребления этого периода. Согласно Челеби, таким образом, Сейди Ахмед-паша сохранял «абазский выговор». По логике вещей, это акцент абазга-садза.

Следующее наблюдение Инал-ипа основано на данных Торнау, которые он сначала пересказывает, а потом цитирует (пересказ) «территория от Саше до Ингури занята была абхазами («абазинами»), называющими себя «апсуа» (в том числе и асадзуа). Что для Ф. Торнау абхазская этническая принадлежность садзов не вызывает никакого сомнения, видно из такого же высказывания: (цитата) «Садзы, поколение одноплеменное с абхазами, говорящее с ними одним и тем же языком без всякого приметного изменения». (Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Садзы. С. 50).

Смотрим эту цитату у Торнау: «От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины – поколение, одноплеменное с абхазцами, говорящее с ним [одним и] тем же языком, без всякого приметного изменения. Называют они себя сами абадзоу, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям своим, ибо абадза – слишком общее название и принадлежит всему племени, колена которого находятся и на северо-восточной покатости Кавказских гор и распространились до самой Кубани». (Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 456).

Таким образом, мы не обнаруживаем такого именно текста, когда Торнау, согласно Инал-ипа, говорит искомую формулировку: «Садзы, поколение одноплеменное с абхазами». Не содержится у Торнау и указания на то, что садзы именуют себя апсуа. В таком гипотетическом осмыслении текста Торнау, подразумеваемом, что, на самом деле, хотел сказать, но по недоразумению не сказал о садзах Торнау, сделано предположение о том, что он почти, что указал на самоназвание садзов как апсуа.

Соломон Званба, первый абхазский этнограф, подчеркивал, что «абхазцы не считают их (садзов. – Прим. С. Х.) одного с собою происхождения». Вместе с тем, Званба подчеркивает близость садзского и абхазского языков: «Джигеты говорят наречием абхазского языка, несколько отличным от коренного». (Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Садзы. С. 51).

Приводя эти данные, Инал-ипа делает предварительный вывод: «Трудно согласиться с мнением, высказанным З. В. Анчабадзе, о том, что садзы (джики) являются «независимой» этнической общностью, отличающейся как от черкесов, мегрелов и сванов, так и от самих абхазов. Язык садзов он считал «самостоятельным» языком абхазо-адыгской группы. Этому противоречит, помимо всего прочего, и сам термин «асадзипсуа», в котором присутствует самоназвание абхазов (апсуа),

определяя собой садзскую речь как именно абхазскую». (Там же).

Термин «асадзипсуа», упомянутый единожды в записках Г. И. Филиппсона, создавшего крайне запутанную и противоречивую версию этнической истории региона Северо-Западного Кавказа, квалифицируется Инал-ипа как самое действенное доказательство абхазской идентичности садзов. «Асадзипсуа», на наш взгляд, не может трактоваться как «садзско-апсуайский» (толкование, предложенное Инал-ипа). Такое словосочетание звучит так же правдоподобно, как если бы какой-нибудь горец в XIX веке мог заявить, что разговаривает на «свано-картвельском» языке.

Если речь идет о наречии или языке, то термин «асадзипсуа» гораздо более убедительно трактуется как асадзыбзэ, где -ыбзэ является лишь более корректной передачей того, что передано как -ипсуа. Асадзыбзэ, таким образом, садзское словосочетание, «садзский язык», где «бзэ» – адыг. бзэ «язык», «речь», при бзэгу «язык» (орган). Учитывая, что словарь садзов, зафиксированный Челеби в XVII в., определяется самим Инал-ипа как именно убыхский, понимание неудачной записи Филиппсона «асадзипсуа» как «асадзыбзэ», является вполне логичным и соответствующим массе других сообщений о языке и культуре садзов. Такое толкование поддерживается употреблением понятия абазы (=абазбзэ, абазский язык), которое использует Альбов в 1894 г., говоря об убыхском языке. (Генко А. Н. О языке убыхов // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1928. С. 231).

Вслед за предварительным тезисом о неправоде Анчабадзе, Инал-ипа делает второй вывод, призванный закрепить убежденность в абхазской идентичности садзской общности: «В статье, посвященной историко-этнографическому анализу этнонима «абаза», Ю. Д. Анчабадзе, перечисляя народы абхазской общности, почти всегда пишет «садзы и абхазы», «абхазы и садзы» (то есть так, как в источниках. – Прим. С. Х.), как бы противопоставляя их друг другу. (Заметим, что в перечислении в одном ряду нет противопоставления, есть только подчеркивание факта не полного тождества. – Прим. С. Х.). Он считает не точно установленной этническую принадлежность медовеевцев, которые, по его мнению, представляли собой, возможно, «смешанное абхазо-садзское» население. Но оснований для сомнений мало: медовеевцы являлись частью горных, или верхних садзов, а все вместе – органическими компонентами общеабхазского этноса... Отмечая, что ряд авторов (Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, З. Г. Шахербай, Ю. Н. Воронов и др.) считают садзов абхазами, а некоторые (Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова и др.) – южными абазинами, сам он склоняется ко второй точке зрения, без учета таких показателей этнической принадлежности, как язык и самоназвание, а также того, что и сами абазы составляли в прошлом одну и ту же этническую общность с абхазами». (Там же. С. 51-52).

С. Х. Хотко.
(Продолжение в следующем выпуске).